

Энн
Майклз
Когда
нас
держат

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44
М 14

Anne Michaels

HELD

Copyright © Anne Michaels, 2023

All rights reserved

Перевод с английского Максима Немцова

Оформление обложки Егора Саламашенко

Майклз Э.

М 14 Когда нас держат : роман / Энн Майклз ; пер. с англ. М. Немцова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 256 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-27472-3

Энн Майклз — выдающаяся канадская поэтесса и писатель, лауреат и финалист множества международных премий; ее книги становились мировыми бестселлерами и экранизировались, переведены на 45 языков. Ее третий роман, «Когда нас держат», — финалист Букеровской премии 2024 года и *Prix Femina Étranger*, а также лауреат *Prix Transfuge*. Это «философский роман в эпизодах, охватывающий период с 1910 до 2025 года, исследующий грань между плотским и невыразимым, смертным и духовным» (*The New Yorker*). Здесь вернувшийся с Первой мировой войны к дождавшейся его жене фотограф снова открывает свое ателье — и на его фотопластинках проявляются призраки. И это только начало «мастерски компактного эпоса» (*Washington Post*), в котором «из осколков любви и памяти... складываются мечты и надежды четырех поколений» (*The Guardian*).

Впервые на русском!

УДК 821.111

ББК 84(7Кан)-44

© М. В. Немцов, перевод, примечания, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2025

Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-27472-3

*Посвящается
Джону Бёрджеру
Саймону Макбёрни
Лиз Колдер
Александре Прингл
Ребекке и Эвану*

I

Река Эско

Камбре, Франция

1917

Мы знаем: жизнь — конечна. С чего б нам тогда верить, будто смерть длится всегда?

*

Тень птицы переместилась через холм; самой птицы он не разглядел.

*

Его утешали определенные мысли:

Все пронизывается желанием; ничто человеческое нельзя от него очистить.

Мы способны думать о неведомом лишь в понятиях ведомого.

Время нельзя привязать к скорости света.

Прошлое существует как миг настоящего.

Быть может, самое важное нам известное не может быть доказано.

Он не верил, будто тайна в сердце вещей расплывчата, смутна или несоответствие, а считал ее местом для чего-то в нас совершенно точного. Он не верил в заполнение этого места религией или наукой, а считал,

Энн Майклз

что нужно оставить его в целости; вроде безмолвия, или немоты, или длительности.

Быть может, смерть — лагранжиан, быть может, ее возможно определить принципом стационарного действия.

Асимптотика.

Мгла курилась, словно погребальные костры под дождем.

*

Возможно, взрыв отобрал у него слух. Деревьев, чтобы определить ветер, ветра, подумал он, вообще никаких. Шел ли дождь? Джон видел, как поблескивает воздух, но на лице у себя влаги не ощущал.

*

Мгла стирала все, к чему прикасалась.

*

Сквозь занавес своего дыхания увидел он вспышку, выкрик света.

*

Было очень холодно.

Где-то там — его драгоценные сапоги, его ноги. Надо бы встать и поискать их.

Когда он ел в последний раз?

Есть не хотелось.

Когда нас держат

*

Просачивается память.

*

Падал снег, ночь и день, снова в ночь. Безмолвные улицы; по ним не проедешь. Они решили пойти друг к дружке пешком через весь город и встретиться посередине.

Небо — даже в десять вечера — было фарфорово, бледная плотность, от которой снег отсоединялся и падал. Холод очищал — благословение. Оба они выйдут в одно и то же время и не собьются с маршрута, будут идти, пока не найдут друг дружку.

*

Вдали, в густом снегопаде Джон увидел обрывки ее — с лакунами, мерцающая: темная шляпа Хелены, ее перчатки. Пока еще трудно было сказать, насколько она далека. Он стряхнул снег со шляпы, чтоб и Хелена сумела его увидеть. Да, она подняла руки над головой — помахать. Против белизны неба и земли различались только ее шляпа и перчатки да пылеватый желтый мазок уличных фонарей. Он едва чувствовал свои ноги или пальцы на руках, но остальному ему было тепло, чуть ли не жарко от ходьбы. Он затре-

Энн Майклз

петал от вида ее, от крупницы ее. Она была всем, что ему важно. Он ощущал незыблемое доверие. Вот они сблизились, но идти быстрее не могли. Где-то между библиотекой и банком они схватили друг дружку так, словно были единственными людьми, оставшимися на свете.

*

Ее мелкие повадки, известные только ему. Хелена подбирала носки к шарфику, хотя у нее в сапожках их не видел никто. У постели она держала — суеверно неоконченным — роман, который читала в парке в тот день, когда они поняли, что всегда будут вместе. Бумажно-тонкие кожаные перчатки, которые нашла она в кармане мужского твидового пиджака, купленного на распродаже. Материно кольцо, которое надевала лишь к определенной блузке. Сумочку она оставляла дома, а пятишиллинговую купюру совала в книгу, когда выходила читать в парк. Жестянка из-под леденцов, где она хранила иностранную мелочь.

*

Хелена несла сумочку, которую он ей купил на Хилл-роуд, мягкая коричневая кожа, с застежкой в виде цветка. На ней был шел-

Когда нас держат

ковый шарф, найденный ею на рынке, а теперь ею присвоенный запахом ее, осенние краски с темно-зеленой каймой, и твидовое пальто с бархатом под воротником. Сколько раз щупал он этот бархат, когда держал ей раскрытым пальто. Конечное число раз. Каждое наслаждение дня или жизни — сочтено. Но наслаждение еще и бесчисленно, оно превышает самого себя — потому что оставалось, пусть только и в памяти; и еще в теле, даже когда забывалось. Даже пятно наслаждения и его издевка: утрата. Конечное так же непокорно, как и бесконечное.

*

Они дошли до его квартиры и оставили мокрую одежду у двери. Свет зажигать нужды нет. Жалюзи подняты, комната освещена снегом. Белые сумерки, невозможный свет. Джона всегда удивляло, он никогда не переставал изумляться тому, до чего ее мало, она крохотна, казалось ему, и так нежна и неистова, что дыхание спирало. Он купил душистого порошка, который ей нравился, и наполнил ванну. Насыпал слишком много, и пена перевалилась через курившийся край.

— Сугроб, — сказала она.

Энн Майклз

*

Всего в нескольких метрах от него лежал молодой солдат. Сколько он уже пялится? Джону хотелось его окликнуть, как-то пошутить, но он не обретал голоса.

*

Пришпиленный к земле, на нем никакой тяжести.

Кто бы поверил, что светом можно свалить человека.

*

Детская ручка Джона в руке его матери. Бумажный кулек с каштанами от торговца с жаровней перед лавками, держать без варежек слишком горячо. Прислониться к тяжелому материнному шерстяному пальто. У щеки его — ее гладкая сумочка. Счищать с каштанов бурю шелуху кожуры до парящей мякоти. На рельсах визжит трамвай. Край материнного фартука выбивается у нее из-под пальто, фартука, который она забыла снять, фартука, который носила всегда. Трамваи, очереди, запахи рыбы и топлива. Мягкость ее против его трудного детства. Ее запах перед тем, как ему провалиться в сон, лощеное тепло ее ожерелья, когда она над ним склонялась. Лампа оставлена гореть.

Когда нас держат

*

Трактир выстроили у путей рядом с сельской станцией, в речной долине. Давным-давно трактир и долина манили к себе туристов, железнодорожная компания их рекламировала из-за вида на горы, луга с полевыми цветами, ароматные сосны и чистец. За рельсами поспешала медленная река, словно мать старалась догнать дитя, серебряные линии бежали по всей длине дола.

Хелена направлялась дальше, в городок покрупней, но уснула. Не могла удержаться, чтоб не задремать, поддавшись сну, словно бы одурманенная движением поезда. А когда тот остановился на последней станции перед городком, она, полусонная, недопоняла проводника, зычно объявившего следующую остановку, схватила свой саквояж и вышла одной станцией раньше.

За тусклым фонарем у выхода было темно — глубокая сельская тьма. Ей было глупо и страшновато; пустой перрон, запертый зал ожидания. Она уже собралась было расположиться на единственной холодной скамье и дожидаться рассвета, когда издали услышала смех. Потом она ему станет рассказывать, что слышала пение, хотя Джон не помнил вообще никакой музыки. Она встала у выхода, не желая покидать жалкую защиту той

единственной пыльной лампочки на вокзале. Но, склонившись во тьму, различила несколько вдали заманчивую лужицу света от трактира.

Потом она уже наделит недолгую прогулку в темноте к тому венцу света — вокруг нее шелестели нескончаемые поля незримых трав — свойствами сна; неизбежность этого, предвидение.

Заглянув в переднее окно, Хелена увидела комнату, замкнутую в собственном своем времени. Трактир легендарный, фольклорный — тепло и древесный дым. Вытертая обивка кресел, изрезанные деревянные столы и лавки, каменные полы, внушительный камин с таким запасом дров, что хватит продержаться и самую холодную зиму, в поленице от пола до потолка, нескончаемый запас их, как в сказке, каждое полено, воображала она, века напролет, как по волшебству восполнялось само собою. Она села поблизости, Джон наблюдал. Для него то была встреча внезапной близости в таком общественном месте; как склоняла набок она голову, как держалась, ее руки. Наблюдал он, как некий мужчина — нализовавшийся и не стоящий на ногах, каждый тщательный шаг есть признание вращения Земли и наклона ее оси вращения — плюхнулся в свободное кресло напротив нее, одаряя Хелену медленным, мари-

Когда нас держат

нованным взором, пока голова его не упала, тяжелая, словно камень для керлинга, и не скользнула по столу. Джон и еще один наблюдатель одновременно вскочили помочь и вдвоем отволокли субъекта на зады паба, чтобы проспался. Когда Джон вернулся, его столик занимала парочка, не поднявшая голов, уже потерянная для всей комнаты вокруг них.

— Мне очень жаль, — произнесла Хелена, забирая пальто и саквояж, — займите, пожалуйста, этот.

Он настоял, чтобы она осталась. С большим усилием одолев робость, она спросила, не посидит ли он с нею. Позднее она расскажет ему о чувстве, пронзившем ее, необъяснимом, мгновенном, даже не мысли: если он сядет, она будет делить с ним стол всю оставшуюся жизнь.

*

В маленьком оконце коридора, от жара ванны, видели они, как падает снег.

*

Черные ряды деревьев напоминали ему о зимнем поле, которое однажды видел он из окна поезда. И о черном море вечера, и о густо-черной шляпке и фартуке его бабушки,

когда взбиралась она от гавани, не переставая вязать, ведя за собой в поводу их древнего ослика, груженного тяжелыми корзинами с крабами. Все женщины в деревне носили свои пояса для рукоделия и держали вязанье всегда под рукой, подмышкой или в кармане фартука, рукава и передки свитеров, филигранная работа, неуклонно прираставшая по ходу дня. У каждой деревни своя петля; порт приписки каждого моряка можно было определить по узору его фуфайки, в котором содержалась и еще одна подпись — намеренная ошибка, по которой каждая вязальщица могла определить свою работу. Намеренно сделанная ошибка — все равно ошибка? Вязальщицы с побережья накидывали петли свои, как защитные чары, чтобы их мужчинам было безопасно, тепло и сухо, шерстный жир отталкивал дождь и морские брызги, доспехи передавались по наследству, от отца к сыну. Рукава вязали они короче, и их не нужно было засучивать, чтоб не мешали в работе. Плотная камвольная пряжа, поблекшая от соленого ветра. Гребни и борозды петель, как поля в марте, когда сажают картошку. Ворсовые петли, шнуровые, вафельное плетенье, тройная волна, якорь; градины, молнии, ромбы, ступеньки, цепочки, жгуты, квадраты, сетки, стрелки, флаги, снасти. Колючки Нордвейка. Черно-белые носки Терсхеллинга

Когда нас держат

(две белые нити, одна черная). Зигзаг Гудерее. Дерево жизни. Око Бога над сердцем владельца.

Если моряк расставался с жизнью в море, перед тем, как предать тело его пучине, с него снимали фуфайку и возвращали вдове. Если на берег вымывало рыбака, человека несли домой в его деревню, вязка его свитера — все равно что карта. А как только возвращали его в родной порт, вдова могла забрать любимое тело, опознанное по отчетливому талисману — намеренной ошибке в рукаве, в поясной резинке, манжете, плече, по нарушенному узору, столь же верному, как подпись на документе. Ошибка была посланием, отправленным во тьму, петлей напасти и ужаса, сигналом будущему, от жены — вдове. Молитвой, чтобы, где б ни нашли человека, вернули его семье и упокоили. Чтобы мертвые не лежали одни. Ошибка любви, доказывавшая ее совершенство.

*

Были такие правила моря, что применимы также и на суше, и любому моряку, знавшему изменчивый лик пучин, глупо было не внимать предостереженью. Если рано поутру на пути к пристани рыбаку попадался заяц или священник или глянул он в лицо жен-

Энн Майклз

щине — пусть хоть жене, дочери, сестре, матери, — в море выходить в тот день он уже не осмеливался. Вдоль по всем рассветным улицам к гаваням Северного моря женщины исправно отворачивались от мужчин. Да и после смерти имелись строгие обряды. В деревнях гробы несли вот как: рыбаки рыбаков, женщины женщин, сухопутные сухопутных.

*

Отец его отказался от моря ради полей. Что моряк, что земледелец — какая свобода ведома была его отцу или деду? Свобода того, кто горбатится, сея собственный урожай.

Когда Джон вообще вспоминал отца, ему удавалось припомнить словно бы лишь обрывки — чувство глубокое, но кусками — мгновенья вместе, даже не целые дни. Годы, вся жизнь — ныне лишь эта горсть, это полное сердце.

*

Байки, рассказанные на поле битвы, на спасательном плоту, в палате госпиталя ночью. В кафе, что исчезнет к утру. Кто-то подслушивает. Кто-то слушает, внимательно, всем своим сердцем. Никто не слушает. Байка, рассказанная тому, кто соскальзывает в сон — или в бессознательность, чтоб не

Когда нас держат

проснуться уже никогда. Байка, рассказанная тому, кто выживет, кто расскажет эту байку ребенку, кто запишет ее в книжку, чтобы читала ее женщина в той стране или времени, что не ее страна или время. Байка, рассказанная самому себе. Пылкая исповедь. Извилистый, однообразный поиск смысла в жесте, в том миге, что всю жизнь избегал понимания говорившего. Байки невнятные для слушателя, однако все равно получаемые — тьмою, ветром, местом, невоспринимающей или не воспринятой жалостью, даже безразличьем.

Даваемое нами у нас не отнять.

*

Уже было поздно. Снаружи трактира виднелся лишь тусклый свет станции да звезды за ним.

Джон не мог объяснить того, что чувствовал, — казалось, они с Хеленой уже бывали тут раньше, разыгрывали что-то, а все, о чем говорили они, было как-то предначертано. Джон чувствовал, что, вернись он в трактир назавтра, здания б там не оказалось и ее б не существовало.

Он сказал, что дождется с нею следующего поезда. Интересно, думал он, почему она

Энн Майклз

его не боится, чужака в этой глуши. Он сам ее немного боялся.

Внутри, в теплом трактире, беседовали они о повторных возможностях. Снаружи, в холодной ночи, казалось, что они знали друг дружку всегда. Он чуть не потянулся к ее руке.

*

Он поймет, позднее, что есть такой миг, когда жизнь твоя должна стать твоею собственной; ты должен истребовать ее у всех прочих баек, какие тебе скармливали, какие тебе передавали или навязывали или же с какими в руках ты остался, пока кто-то другой заявил права на свои. Он уже знал, что жизнь невыбранная, оставленная позади из трусости или стыда, не увядает. А вместе этого, без исключения, расцветает буйным цветом, заращая собой всю тропу впереди.

*

Это было б как шагнуть из своей одежды, думал он. Как войти в море, где уже не распознать, где начинается твоя кожа.

Прежде он никогда не задумывался, что утопление может оказаться нежной смертью. Но возможно, море в конце концов и станет

Когда нас держат

лучшим местом, где умереть. Море, где, как и в памяти — записал однажды он, — неуловимость формы есть сама форма. До того мига он бы говорил, что в таком умственном отъединении есть дисциплина. Теперь же он думал: когда что-то отъединилось, оно сломано.

*

Невозможно именовать точный миг, когда падет ночь, неуловимый, как и тот, когда нас одолевает сон.

*

Та вода, которой он мылся, воняла у него в каске — лужица до того мерзкая, что не держит отражение. Как будто сама темь шептала, он мог расслышать голос Гиллиза. Поначалу Джон не знал, сам с собой Гиллиз разговаривает или же с кем-то еще, но вскорости сообразил, что слова Гиллиза предназначались ему. Где-то по пути дорожки их пересеклись. У своего отца Джон научился, что есть три вида сумерек — астрономические, навигационные, гражданские, — но в таком месте определить возраст зари было так же трудно, как и возраст человеческого лица. Гиллиз был на двенадцать лет старше Джона, и латали его уже не раз.

ЭНН МАЙКІЛЗ

КОГДА НАС ДЕРЖАТ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Шаши Мартынова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.01.2025.
Формат издания 84 × 90 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 11,2. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург Херсонская ул., д. 12-14, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-SMN-36480-01-R